

“Личная история.”

Интервью - 11.07.2023 г.

<https://youtu.be/G4c4uP-iEA0?si=0JpmvS8wZAEfYe-P>

32:38

[Говорящий 2]

Мне очень радостно, что сегодня мы можем с вами побеседовать. И очень много хочется вас расспросить. Но начнем с самого простого.

Сначала, как вы пришли в психологию?

о. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Нет однозначного на это ответа и не будет. Я дважды пришел в психологию. Сначала я пришел на факультет психологии Московского университета.

Тут было несколько предходящих обстоятельств. А вот второй раз, более осознанно, уже будучи священником, я пришел преподавать христианскую антропологию и психологию в университет Иоанна Богослова. И вот этот второй приход, он был более осознанный и он был более целенаправленный, целеустремленный.

Потому что психология в церкви преподавалась очень давно, с 17 века. Но современная психология чужда современному православию. И в этом большая проблема.

Вот эта задача, как бы сблизить две системы, и образовательные прежде всего, потому что я был преподавателем, две образовательные системы и две науки, богословие, антропология, как его часть, и современная научная психология. Вот моя задача, как была тогда в 90-е годы, так и сейчас. По сути дела, 30 лет я занимаюсь христианской антропологией и психологией.

Но психологией не только христианской, вообще психологией как таковой.

[Говорящий 2]

А что вас больше всего привлекало и привлекает в этой науке?

[Говорящий 1]

А я убежден глубоко, что это единственная наука, которая ближе всего к человеку. Человеку таким, как мы его воспринимаем в себе самих. То есть это наука, которая ближе всего к каждому из нас.

Для меня психология – это место, пространство, часть культуры, в которой человеку удобно с собой, удобно себя раскрыть, удобно себя понять, удобно для себя что-то сделать.

[Говорящий 2]

Вы очень структурированно отвечаете, очень упорядоченно, всё по делу, всё в рамках. Это ощущается как некий порядок общий в жизни, в голове? Если это не личный вопрос.

У вас всё по полочкам жизни разложено?

[Говорящий 1]

Есть непреодолимые в моей душе страсти, которые не упорядочиваются никак. Это, конечно, какие-то детские привязанности к маме, это уже взрослые привязанности к детям, к внукам. Это не упорядочивается.

Это как раз те стихийные чувства, эмоции, страсти, которые скорее мешают, чем помогают. Есть, например, такая область, которая не поддается моему влиянию, хотя я очень хочу. Это иностранные языки.

И хотя я принимался учить их много раз в жизни и в какой-то степени что-то там такое запомнил, но в общем и целом это не мои стихии. Тут моя логика мне не помогает.

[Говорящий 2]

А в целом вы в жизни любите порядок?

[Говорящий 1]

По-разному. Нет, я не могу сказать, что только порядок. Да, знаете, и были, и есть время, когда я отпускаю и отказываюсь от каких-то чужеских расписаний.

Но одно точно я не умею. Я не умею отдыхать. Вот это плохо.

Я вас прекрасно понимаю. Да, я читаю об этом лекции, о том, как надо отдыхать, и я это пытаюсь себе устраивать, но внутренне это получается плохо.

[Говорящий 2]

А если в двух словах, как правильно надо отдыхать? Потому что, мне кажется, нашим зрителям сейчас стало очень сильно любопытно.

[Говорящий 1]

Я думаю, что главное – это назначать окончание сроков работы. То есть тайм-менеджмент предполагает, как правило мы себе представляем, начало каких-то дел в 17 я выхожу из дома и еду на спектакль. А вот, например, утром я должен в 8.30 быть на работе или так далее. Но в этом тайм-менеджменте окончание этих дел или работы или каких-то поездок не ставится как правило. Вот для того, чтобы отдыхать, надо точно и обязательно предусмотрительно обыгрывать концы работы, рабочей недели, рабочего дня и соблюдать. Надо научиться уходить с работы тогда, когда положено.

Это начало отдыха. К тому же надо научиться ставить себе пределы и соблюдать их сроков выполнения каких-то программ, дел. Даже если не законченных.

Стоп. Все. Дальше мы не работаем.

А также надо научиться увольняться. Надо научиться закрывать проекты, как сейчас модно выражаться, и переходить к другим. А уходить с работы и сказать, ну все, ребят, 5 лет это уже много.

Я уже насытился этим. Я увольняюсь. Спасибо.

До свидания. Я пошел. И дальше наступает некий период вынужденный.

И тогда отдых. Есть еще одно. Отдых – это работа.

В отдых надо вырезать в своем расписании время от и до и продумать обязательно, как я буду отдыхать. Надо научиться выключать телефон, телевизор, компьютер. Все.

Выключать. Создавать себе искусственно такую информационную депривацию.

[Говорящий 2]

Я вижу позади Вас чудесные картины. Если это не личный вопрос, могу ли спросить, что это за картины?

[Говорящий 1]

Я очень люблю картины. Я покупаю, собираю, что могу. Но это в основном такие работы, не очень дорогие, потому что дорогих невозможно.

А вот сзади меня, которая ниже стоит, большая, это мой зять, очень близкий мне был человек, Владимир Горячев. Его можно галерею найти в интернете, в Инстаграме есть. Он умер от ковида.

Одна из первых жертв ковида. Июль 2020 года. Внезапная жертва.

Вот это он подарил как раз мне, потому что это его ранняя работа. Он сделал копию своей ранней работы, которую он подарил сестре, которую я потом выпросил. А наверху две работы с водою, Московской художницы Чененовой Екатерины.

Мне понравились работы с Москвариной и с Гранд-каналом Венеции. Я их купил давно. Все никак не сделаю для них рамки.

Наверху еще висит картинка. Это я привез из Саратова. Это городской пейзаж.

А там еще есть маленькая фотография от моей внуки. Правда, теперь уже пять, но там четыре. Но они уже давно выросли.

Сейчас это уже такие взрослые ребята.

[Говорящий 2]

Это очень интересно всегда узнавать человека как человека. Чем интересуется, какие предметы ставит рядом с собой, что вдохновляет.

[Говорящий 1]

Более того, не просто интерьер, а вообще в целом понятие дом. Это ведь экстериялизация внутреннего мира человека. Если это мой дом, который я создаю, то я выношу, я проецирую во вне свое видение пространства дома, который может быть и в стенах, и в окнах, и в интерьере, в украшениях.

Это проекция внутреннего мира, конечно.

[Говорящий 2]

Могли бы вы немного рассказать о вашем детстве, если это не личный вопрос?

[Говорящий 1]

Это личный вопрос, но я могу рассказать, потому что моя биография вся есть в интернете. Тут нет никаких секретов. Главное в моем детстве заключается то, что когда мне было 10 лет, семья переехала на Чукотку из Москвы.

Потому что мой отец геолог. Для мальчика это была такая романтика, потому что это была охота, это была рыбалка, это была тундра, это была такая романтическая жизнь.

[Говорящий 2]

А что помните из детства? Например, у меня было так, что когда мама готовила вареники с вишнями...

[Говорящий 1]

Мама пекла пироги. Она делала пирожки небольшие, специально приготовленные мясной начинкой. Это была целая культура.

А мама училась у своей двоюродной бабушки. А бабушка считала, что она полька. И католичка.

Потому что ее двоюродная бабушка, потому что ее отец был поляк, на самом деле поляк, который был арестован в 1863 году, польское восстание, и был отправлен в ссылку в Иркутскую губернию. И там они все родились. Все его дочери, моя прабабушка и ее сестра.

Это Нина Константиновна научила мою маму печь пироги. Так что можно сказать, что это польские были пирожки.

[Говорящий 2]

А чем человеку может помочь раскапывание своих корней, узнавание своего рода?

[Говорящий 1]

Я глубоко убежден, что вот эта часть личности, которая называется идентичность, она нуждается в некоторых инструментах, среди которых как раз семейный архив. В целом можно назвать семейный архив. Или семейное древо.

Как правило, в семье кто-то один ведет этот семейный архив, семейное древо, и его собирает. А остальные им пользуются. Но так или иначе, внуки, дети, правнуки, они заглядывают в эту комнату, или в эти альбомы, или в эти странички, и узнают, что у них был какой-то предок в 10-м поколении.

Для них совершенно абстрактное поколение. Когда это было? А именно в моей семье я этим занимаюсь.

И когда я на большой-большой доске все это разложил физически, прямо карточки с каждым родственником, и мои внуки пришли, посмотрели на это с круглыми глазами, и прямо так пальчиком он водил, вот мой внук водил, водил, водил, говорит, а вот это я не могу посчитать. Дедушка, скажи, а сколько поколений на этой стене до меня? Я говорю, ну давай считать.

Двенадцать.

[Говорящий 2]
Обалдеть.

[Говорящий 1]
Совершенно абстрактная цифра, двенадцать. Но когда они все посмотрели, внуки, на это, они сказали, так это что? Мы, значит, вот так же, как они, вот это мы одно какое-то, так вот мы, это мы.

И в этот момент я понял, что вот эта идентичность начала работать для них. Они ее для себя открыли. Но я не очень это как-то актуализировал в себе.

Ну, например, я любил очень у бабушки рыться в шкафу в книжном, а там были масса всяких надписей. Она, спасибо ей большое, она книги надписывала. Вот.

И я помню с детства у нее в шкафу обернуты бумаги, чтобы нельзя было узнать. Новый Завет, изданный в Киеве в 1912 году, ну их изданий было очень много. Новый Завет с параллельными местами, но там была потрясающая, она и есть сейчас у меня.

Там потрясающая надпись. Это подарок Надежде Лоргусу, это моя бабушка. Надежде Лоргусу в день окончания гимназии.

И подпись, значит, директора гимназии женщина там, потом учителя, и в том числе священник, преподаватель закона Божий. Они все расписались, дата стоит, 16-й год. Она закончила в Киевскую частную гимназию.

И это подарок. Такие надписи были много. И я с этими надписями вырос.

Я просто знал, что бабушка закончила в Киеве. Она мне что-то рассказывала, но мало, как я теперь понимаю, очень мало, что сейчас у меня миллион вопросов, а задать некому. А сейчас работают архивы.

Самое первое такое открытие, которое было для меня ключевым, может быть, оно меня так отрезвило очень. Это был 1994 год. Я уже служил священником, и одна женщина подошла ко мне так тайком и сказала, вот я слышала, что ваш дедушка пострадал.

Я говорю, да. Я знаю теперь, потому что семья получила извещение, что он был расстрелян 21 ноября 1937 года. А вот вы можете назвать какие-то цифры, потому что мы работаем сейчас в архиве КГБ, и мы можем установить данные, где был расстрел, где покоронен.

Я назвал какие-то необходимые даты, и они нашли буквально через неделю и сказали, да, он в нашем архиве есть, мы теперь все знаем. Это Бутово. Бутово, Подмосковский, он назывался полигон НКВД, где с марта, по-моему, с марта 1937 по конец 1947 года шли расстрелы.

Ну, а Бутово сейчас такое известное место, там два храма, и там музей памяти жертв ГУЛАГа. Много теперь известно. Поименные списки есть всех.

[Говорящий 2]

Прям мурашки по коже.

[Говорящий 1]

Да, хуже. Но есть еще один такой полигон недалеко от Бутово, есть Коммунарка. Там полигон НКВД для правительственных чиновников.

Первым там был расстрелян Егода в 1936, и это была его дача. Он там первый был расстрелян и похоронен, и после этого стали туда всех возить, и там всех расстреляли. Там расстреляли другой мой дед, который был не бог весь каким чиновником, но работал в наркомате внешней торговли.

Его расстреляли 1 сентября 1938 года. Вот эти открытия, вот эти даты, мы там с мамой ездили, в архиве обращались. Вот с этого началось как-то расширение моих знаний, потому что открылись архивы, стало возможно подавать заявления, справки.

Прошу выдать мне это, там прошу выдать то, прошу и это. Вот недавно, например, я получил сведения из Одесского архива, нашел метрику своей

прабабушки 1863-1869 года. Вот так потихонечку-потихонечку собираются справки из Иркутска, из Киева, Одессы, из Германии.

Потому что фамилия Лорбус происходит из Германии. Теперь мы про это знаем все.

[Говорящий 2]

Вопрос относительно книг. Что вы любите читать для души?

[Говорящий 1]

Сейчас у меня пополам художественная литература и биографическая. Мне очень интересно читать биографии, хотя не только. Вот я покупаю сейчас книги по истории, по истории городов или по истории стран.

Но биографии больше интересно, конечно, мне. Прежде всего это биографии отчасти литературного склада, потому что мне доводилось читать биографии таких чистых, аналогических. Они, конечно, плохо читаются.

А вот биографии такого, более литературно оформленные, я с удовольствием читаю. И чем дальше, тем больше. Ну а из литературы я пытаюсь что-то читать из современной литературы, но очень выборочно.

Из современных авторов, наверное, это «Дом в котором». Но это мне близко, потому что это описание интерната изнутри, интерната для психически больных. Дело в том, что я служил в таком интернате как священник 13 лет.

Да, это хороший большой такой период в моей жизни, очень тяжелый психоневрологический интернат, как говорят, самый большой в мире. Тысяча, сейчас даже тысяча двадцать пациентов. Когда я туда пришел, там еще было большое детское отделение, было много детей.

И поэтому мне вот этот роман «Дом в котором» очень был близок, но очень тяжелое чтение.

[Говорящий 2]

Вы служили священником, а как вы выбрали для себя направление служить?

[Говорящий 1]

Это как-то постепенно сложилось, потому что после университета сразу я пошел в церковь работать дворником и сторожем. Это было очень

замечательное для меня время, я был счастливцем, потому что это была поздняя советская власть, ничего было нельзя. Психология была только такая бесчеловечная психология, либо психология на грани с нейрофизиологией, либо психология на грани с поточным производством.

Я как выпускник кафедры инженерной психологии должен был заниматься тем, чтобы бедных женщин заставлять больше делать микрочипов в смену, чем они делали вчера. Вот была моя задача. Естественно, такая бесчеловечная психология.

И я из нее сбежал. Я из нее сбежал и был счастливым, потому что я работал в церкви, и поэтому я мог говорить то, что я думаю, я не должен был скрывать свою веру. Вот так началось мое служение в церкви, и я тогда действительно был очень счастливым человеком.

Я внутри советской власти получил свободу. Это была редкость.

[Говорящий 2]

Как вам удается совмещать психологию и священнослужение?

[Говорящий 1]

Да прекрасно. Я как раз не нахожу никаких противоречий, потому что психология помогает мне понять человека, себя прежде всего и других. Я думаю, что любой священнослужитель должен иметь в этом некий минимальный ликбез, то есть он должен знать, что это такое, как устроена человеческая душа.

Так что тут нет никакого противоречия. Для меня, наоборот, это необходимость, это взаимодействие.

[Говорящий 2]

Фраза, которую, может быть, неверно трактовали, что когда тебя бьют по одной щеке, подставь другую.

[Говорящий 1]

Это фраза из Нагорной проповеди Иисуса Христа, но ее также выражают и многие люди совершенно по-другому. Например, у Виктора Франкла, который не был христианином, он был иудей по вере, еврей по национальности, и он говорил это по-другому немножко. Он сказал, что чтобы уменьшить зло в мире, мы не должны отвечать злом на зло.

И вот когда он выступал на юбилей, связанный с холокостом в Австрии, в Вене, и он сказал, что я потерял в лагере отца, мать, бабушку и жену. Они

все были уничтожены в концентрационном лагере. А он выжил, он тоже был в лагере.

Но у меня нет вражды против палачей, которые их отправляли в газовую камеру. Во-первых, я их лично не знаю. Мне некого ненавидеть, потому что я их не знаю.

Они для меня не существуют. Они для меня абстрактные люди. А те люди, которые сейчас внуки, дети того поколения, они ни в чем не виноваты, потому что я не признаю коллективную ответственность, говорил Виктор Франкл.

И он говорит, что да, я готов в лагере, я готов был спорить с теми, кто меня охранял и кто мучил. Но выйдя из лагеря, я понял, что я вдруг теряю на это право. И говорит, вот это состояние, когда я в лагере, я могу спорить с ним, я могу сопротивляться, я могу желать ему смерти, вот этому самому охраннику, вот этому самому своему мучителю, но я могу с ним говорить на равных, потому что я внутри, я имею моральное право.

Мне кажется, что заповедь подставить другую щеку, это как бы моральное право вступить в более глубокие отношения с своим врагом, своим мучителем, своим палачом, человек с человеком. Но это очень высокий уровень нравственной ответственности, очень высокий уровень духовной зрелости. Я боюсь, что эта заповедь не для всех.

Это горизонт, но достигнуть его не всем. В Евангелии много очень высоких горизонтов, но нельзя признать, что это общенародный рецепт.

[Говорящий 2]

У меня такое ощущение, что после каждого вашего ответа, знаете, как такая книга, есть какая-то глава или какой-то вопрос, какой-то ваш ответ, и потом внизу еще пустое поле для заполнения своих заметок, каких-то озарений.

[Говорящий 1]

Метафора про книгу, она мне очень интересна, я люблю книги. Я бы сказал, что книга – это такой не просто инструмент культуры. Мы люди книги, наша культура книжная.

Не в принципе, что мы информацию короним в книге, не в этом дело. Но мы читаем, мы читатели. И нам очень трудно понять людей докнижной эпохи, которая была эпохой рассказчика, эпохой устной.

В нашей цивилизации сохранились рассказчики, но очень мало. Все-таки мало. Это, например, люди, которые со сцены что-то рассказывают или на митингах что-то рассказывают.

Или теперь в интернет куча роликов в Ютубе, самые разные люди рассказывают. Интернет вернул нам, благодаря видеопередаче данных, вернул нам роль рассказчика. Это очень интересная роль.

И теперь в нашей цивилизации есть две роли – читателя-писателя, как бы книжная культура, и рассказчика и слушателя. Мне очень нравится, что сейчас книга озвучивается, и очень многие люди, и актеры, и не только актеры, и писатели, и разные другие, с удовольствием, обратите внимание, с удовольствием озвучивают книги. И даже священнослужители записывают своё чтение того или иного любимого произведения.

Мне кажется, к нам возвращается вот это древнее искусство рассказчика. Это риторика. Это здорово.

И потом, я думаю, что это ещё только в начале. Дальше будет, я думаю, что будет целое соревнование, кто лучше прочитает рассказ Чехова или Гоголя. Вот я, например, как-то раз слушал, слушал, слушал, слушал чьё-то чтение, не помню чьё, и не выдержал.

И прямо в прямом эфире в Фейсбуке записал старосветских помильщиков от точки до точки. Одним махом. С большим удовольствием.

Но в целом, вот это вызывает такой восторг и вдохновение. Чтение. Я слушаю разных певцов и понимаю, что вот этого я бы слушал бы и слушал.

Из эпохи ушедших актёров мне очень нравились, как читал Царёв. Такой, знаете ли, человек культуры малого театра. А другая культура – чтение Мхата.

Грибов, Яншин, Плятт и другие. Вот это другая культура. Но как, скажем, прекрасно читал Смуктуновский Евгений Онегин.

Это на мой взгляд самые прекрасные записи Евгения Онегина, которые существуют на сегодняшний день. Тем рекомендую. Причём слушать подряд, прям все 10 глав.

Ну, на самом деле, 9. И понимаете, то, как вы прочитаете, то, как вы у него услышите, по-разному поймёте.

[Говорящий 2]

Вопрос. По образу и подобию Бога. Вот я недавно, я увлекаюсь садоводством.

Каждое семя, то есть есть плод, в котором много семечек. И каждое семя потенциально даёт новое растение, которое даёт много таких плодов. И мне это навело на мысль, что, возможно, мы люди являемся тоже неким вот таким вот плодом, который есть внутри.

У нас некий код, и мы вот что-то воспроизводим.

[Говорящий 1]

Вы нарисовали вот эту природную схему передачи жизни. Она для человека тоже приемлема, если мы будем рассматривать человека как организм, как животное, как часть всей вот этой вот самой живой человеческой системы. Но если мы ставим задачу описать человека, то сразу же мы сбиваемся с этой парадигмы, парадигмы животного, и начинаем включать туда культуру в самом широком смысле слова.

Потому что человек, человеческое поведение описать в элементах и только инструментарием животного мира невозможно, не укладывается. Есть масса явлений, которые должны быть описаны в иной методологии. В этой методологии описания человека как человека мы должны поставить другой вопрос.

А где человек получает свое человеческое? Ну вот природное, как вы нарисовали, вот плод получает свой код из семечка, а человек из чего получает? И вот тут оказывается совершенно другая парадигма.

Парадигма человек-человек. То есть самая очевидная культурная парадигма – это ученик-учитель. Вся человеческая культура стоит на этой двоице.

Потому что свою человечность, принадлежность к общечеловеческой культуре, навыкам, мышлению, все мы получаем от другого человека. Неважно, один он или их множество. То есть на самом-то деле множество.

Первым таким учителем, конечно, являются родители, семья, дедушки, бабушки. А затем уже, конечно, учителя школьные и так далее всю жизнь. В том числе и духовные учителя.

Так вот, в этом ключе можно понять и вот эту самую празу, которую вы назвали. По образу и подобию. Человек получил свое человечество от учителя своего бога.

То есть мы похожи на бога в том, что отличает нас от животного мира. Прежде всего, это власть. Святые отцы называли ее самовласть.

Такое замечательное. «Аутократос» по-гречески. Или автократия.

Значит, вот это самовласть, затем свобода, затем разум и любовь. Вот основные категории, чем мы похожи на бога. Власть, разум, свобода, любовь.

Некоторые отцы потом стали добавлять туда слово. Как способность к речи и способность к вербальному мышлению.

[Говорящий 2]

Какие темы в своих лекциях вы затрагиваете?

[Говорящий 1]

Две области самые большие. Это семейная психология и психология личности. Но кроме этого есть еще две дополнительные темы, которые реже, просто спрос на них меньше.

Это антропология психологии современного российского человека и психопатология религиозной жизни. Вот эти две темы, они меньше популярны, но для меня они тоже очень интересны.

[Говорящий 2]

А что значит «познать себя»? Это как?

[Говорящий 1]

Это много всего. Прежде всего, ответить на вопрос «кто я?». На вопрос ответить «какой я?».

Ведь у нас у каждого есть и уникальность, и у нас у каждого есть свои особенности, свои таланты и свои ограничения. Есть вещи, которых я не умею делать. Которые у меня нет способности.

Кому-то не дано математическое мышление. Кому-то не дано географическая ориентировка. Так вот, познавая свою индивидуальность, надо познать в целом и свои таланты, свои способности и свои ограничения.

И затем только ответить на вопрос «а кто я в этом мире?». Что я для этого мира могу сделать? Где мое место и где мое присваивание?

Вот такое начало. Ведь как только я отвечаю на эти вопросы, у меня сразу возникает возможность познать другого человека так же, как я ответил на вопрос о себе. Ну, я про другого так подробно, конечно.

Себя-то я могу узнать, а другого я так не смогу узнать. Но тем не менее, я уже смогу с ним общаться. И то же самое и в семье.

Семья в норме. Она помогает мне познать себя и услышать другого. В семье я учусь слышать, видеть другого.

В семье я учусь любить и учусь принимать любовь.

[Говорящий 2]

А как вам кажется, в чем смысл жизни?

[Говорящий 1]

За смысл жизни отвечает личность. Не сознание, а личность. И эта ответственность заключается в том, чтобы поставить этот вопрос, который вы мне задали, и найти на него актуальный ответ.

Актуальный, то есть сегодня. Для меня смысл жизни сегодня – это быть перед Богом человеком. Для меня смысл жизни, я еще другой вариант добавляю, быть человеком во всем смысле этого слова.

Для меня может быть другой смысл. Для меня смысл жизни в том, чтобы открывать, познавать и находить новое знание. То есть каждый человек создает этот смысл сам, ответственен за него и выстраивает, в зависимости от этого смысла жизни, дальнейший свой путь.

[Говорящий 2]

Благодарю вас за восхитительную беседу. Вы очень много мне сегодня дали. Мне необходимо все это переварить.

Наши зрители смогут побывать на ваших открытых лекциях, задать свои вопросы, и иметь возможность побыть в вашем поле и почувствовать то, что сегодня почувствовала я. Огромное вам спасибо.

[Говорящий 1]

Буду рад. Спасибо.